

Magnus Eisler

**Не
притворяйся**

Magnus Eisler

Не притворяйся

«Автор»

2026

Eisler M.

Не притворяйся / М. Eisler — «Автор», 2026

Она не должна была соглашаться. Он не должен был влюбляться. Вика Соболева — тихая отличница, которая годами прячет взгляд от Марка Виноградова. Марк — циничный богатый мальчик, который соглашается на спор: заставить Вику признаться в любви на выпускном. Он предлагает ей сделку: месяц притворных отношений — и деньги на операцию для её мамы. Она соглашается, потому что выбора нет. Но чем ближе финал, тем сложнее отличить игру от правды. Марк не должен был влюбляться. Вика не должна была верить. Но когда маски слетают, остаётся только одно — признать, что настоящие чувства не купишь и не подделаешь.

© Eisler M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Спор на перемене	5
Глава 2. Неожиданное предложение	15
Глава 3. Правила игры	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Magnus Eisler

Не притворяйся

Глава 1. Спор на перемене

Утро пахло мокрым асфальтом и свежескошенной травой. Вика Соболева перешагнула через лужу у входа в лицей и сразу услышала голоса. Они доносились от доски объявлений, где обычно висело расписание кружков и объявления о потерянных вещах. Сегодня там стояли двое: Влад и Марк. Влад был высокий, светловолосый, с наглой улыбкой, которая никогда не сходила с его лица. Марк — темноволосый, с тенью под глазами, словно он не спал несколько ночей подряд. Он прислонился плечом к стене, скрестив руки на груди, и смотрел на Влада с лёгкой усмешкой.

— Ты серьёзно думаешь, что она клонет? — голос Влада был громким, почти театральным. — На кого? На тебя? Соболева — это крепкий орешек. Она никого к себе не подпускает.

— А я и не собираюсь подпускать, — ответил Марк ровно, без эмоций. — Я просто сделаю так, чтобы она сама захотела.

Вика замерла у двери, не решаясь войти. Она слышала своё имя, но не могла разобрать контекст. Внутри неё что-то дёрнулось — тревожное, липкое. Она сделала шаг назад, но тут Влад повернулся и заметил её. Его улыбка стала шире.

— А вот и наш объект, — сказал он, кивая в её сторону.

Марк медленно перевёл взгляд на Вику. Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них не было ни капли тепла. Он просто смотрел на неё, как на задачу, которую нужно решить. Вика почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она не знала, что они обсуждали, но интуиция подсказывала: ничего хорошего.

Она резко развернулась и почти побежала к лестнице. Внутри всё бурлило. «Только не показывай, что ты слышала. Только не показывай». Она вцепилась в ляжку рюкзака, чувствуя, как пальцы немеют от напряжения. В голове билась одна мысль: «Он смотрел на меня. Он смотрел на меня так, словно я — пустое место».

Вика влетела в класс и плюхнулась на своё место у окна. Лена, её соседка по парте, уже раскладывала учебники.

— Ты чего такая бледная? — спросила Лена, не поднимая головы.

— Ничего, — выдохнула Вика. — Просто показалось.

Лена хмыкнула, но ничего не сказала. Вика уставилась в окно, где за стеклом медленно плыли облака. Она знала, что это неправда. Ей не показалось. Она слышала своё имя, и это было началом чего-то, что она не могла контролировать.

Перемена после второго урока была короткой, но Вика всё равно вышла в коридор, чтобы размять ноги. Она шла к автомату с водой, когда рядом с ней оказался Паша. Он был в её классе, но обычно они почти не общались. Сегодня он выглядел нервным: теребил край рукава и не поднимал глаз.

— Слушай, Соболева, — начал он, понизив голос. — Ты слышала, что Влад и Марк говорили утром?

— Нет, — ответила Вика, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А что?

— Ничего, — быстро сказал Паша. — Просто... будь осторожна. Они что-то затеяли.

Он развернулся и ушёл, оставив Вику стоять с бутылкой воды в руке. Она смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри снова закипает тревога. «Что они затеяли? И при чём здесь я?» Она попыталась вспомнить, когда в последний раз говорила с Марком. Это было в седьмом

классе, когда он заступился за неё перед старшеклассниками. Тогда она почувствовала что-то странное: тепло, которое разлилось по груди, и желание, чтобы он ещё раз на неё посмотрел. Но он уехал, и всё забылось.

Или не забылось. Вика закрыла глаза, и перед ней всплыло его лицо: тёмные глаза, резкие скулы, лёгкая усмешка, которую она так и не научилась читать. «Ты дура, Соболева, — сказала она себе. — Он даже не помнит твоего имени».

На большой перемене столовая была забита. Вика взяла поднос с супом и булочкой и села за свободный столик у окна. Лена присоединилась к ней через минуту, плюхнувшись на стул так, что он скрипнул.

— Ты видела, что они повесили? — спросила Лена, кивая на дверь.

— Кто? — не поняла Вика.

— Влад и его компания. Объявление о школьном конкурсе талантов. Говорят, что победитель получит путёвку в летний лагерь.

— И что? — Вика пожала плечами. — Нас это не касается.

— Касается, — Лена понизила голос. — Там написано, что участники должны быть парами. Парень и девушка.

Вика только вздохнула. Она не любила такие мероприятия. Когда-то, в седьмом классе, она попыталась участвовать в школьном спектакле, но её так сильно засмеяли, что она больше никогда не выходила на сцену. С тех пор она старалась быть незаметной.

— Я пас, — сказала она, откусывая булочку.

— Зря, — Лена покачала головой. — Там призы хорошие.

Вика не ответила. Она смотрела в окно, где за стеклом медленно плыли облака, и думала о том, что сказал Паша. «Они что-то затеяли». Что? И зачем?

После уроков Вика задержалась в классе, чтобы собрать вещи. Она не спешила домой: там её ждала пустая квартира и тишина, которая давила на уши. Мама была в больнице, операцию откладывали из-за нехватки денег, и Вика каждый день думала о том, где их взять. Она работала курьером по выходным, но этого было недостаточно.

Она вышла из школы последней. Солнце уже садилось, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Вика шла по аллее, когда услышала шаги позади. Она обернулась и увидела Марка. Он шёл медленно, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел на неё так, словно изучал.

— Привет, — сказал он, останавливаясь в паре метров от неё.

— Привет, — ответила Вика, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Она старалась держаться ровно, но голос предательски дрогнул.

— Ты идёшь домой? — спросил он.

— Да.

— Я провожу.

Это не было вопросом. Он просто констатировал факт и пошёл рядом. Вика молчала, не зная, что сказать. Она чувствовала запах его одеколона — свежий, с нотками цитруса и дерева. Он был выше неё, и ей приходилось поднимать голову, чтобы видеть его лицо.

— Ты чего такая напряжённая? — спросил он, не глядя на неё.

— Нормальная, — ответила Вика. — Просто день был тяжёлый.

— Понимаю.

Они прошли ещё несколько шагов в тишине. Вика думала о том, что он мог сказать ей утром. О чём они спорили с Владом? Она хотела спросить, но язык не поворачивался.

— Слушай, — сказал Марк, останавливаясь. — Ты не хочешь пойти завтра в кино? Новый фильм вышел, говорят, хороший.

Вика замерла. Она смотрела на него, пытаясь понять, шутит ли он. Но его лицо было серьёзным, и в глазах не было насмешки.

— Зачем? — спросила она.

— Просто, — он пожал плечами. — Чтобы отвлечься.

Вика колебалась. Внутри неё боролись два голоса: один говорил, что это ловушка, другой — что она хочет провести с ним время. Она вспомнила, как он заступился за неё в седьмом классе, и решилась.

— Хорошо, — сказала она. — Во сколько?

— В семь. Я найду за тобой.

Он развернулся и ушёл, не сказав больше ни слова. Вика стояла и смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри всё переворачивается. «Что я делаю? — думала она. — Это же глупо. Он явно что-то задумал. Но...»

Она не договорила мысль, потому что не знала, что сказать. Она просто стояла на пустой улице, слушая, как затихают его шаги, и чувствовала, как в груди разливается тепло. Она не притворялась. Она просто ждала, когда он перестанет бояться.

Дома Вика долго стояла под душем, пытаясь смыть с себя усталость и тревогу. Вода была горячей, почти обжигающей, и она чувствовала, как расслабляются мышцы. Она закрыла глаза и снова увидела его лицо. «Зачем ты это делаешь? — спросила она себя. — Зачем ты согласилась?»

Но ответа не было. Она выключила воду, завернулась в полотенце и вышла в комнату. На столе лежал телефон. Она взяла его, посмотрела на экран: ни одного сообщения. «Он не напишет, — подумала она. — Он не из тех, кто пишет первым».

Она легла на кровать и уставилась в потолок. В голове крутились обрывки мыслей: о маме, о деньгах, о Марке. Она знала, что завтрашний день станет началом чего-то нового. Она не знала, чего именно, но чувствовала, что это изменит её жизнь.

Она закрыла глаза и провалилась в сон, полный тёмных глаз и запаха цитруса.

На следующий день Вика проснулась раньше будильника. Солнце только начинало пробиваться сквозь шторы, окрашивая комнату в золотистый свет. Она лежала, слушая тишину, и думала о том, что сегодня вечером она пойдёт в кино с Марком.

В школе она старалась не думать о вечере, но мысли возвращались снова и снова. Она сидела на уроке, глядя в доску, и не слышала ни слова из того, что говорил учитель. Лена заметила её состояние и толкнула локтем.

— Ты чего витаешь в облаках? — спросила она шёпотом.

— Ничего, — ответила Вика. — Просто задумалась.

— О чём?

— О жизни.

Лена хмыкнула, но ничего не сказала. Вика снова уставилась в окно, где за стеклом медленно плыли облака. Она думала о том, что скажет Марку вечером. Что она вообще знает о нём? Только то, что он уехал в седьмом классе и вернулся в десятом. И то, что он заступился за неё тогда.

После уроков она вышла из школы и увидела Марка, стоящего у входа. Он курил, прильнув к стене, и смотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Готова? — спросил он, выбрасывая сигарету.

— Да, — ответила Вика, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Они пошли в сторону кинотеатра. Вика чувствовала, как её ладонь сжимается в кулак, и заставляла себя расслабиться. Она смотрела на его профиль, на то, как он идёт, чуть наклонив голову, и думала о том, что он красивый. Очень красивый. И это пугало её.

— Ты любишь ужастики? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответила она. — Я редко хожу в кино.

— Тогда посмотрим комедию.

Он купил билеты, и они вошли в тёмный зал. Вика села на своё место, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Она старалась не смотреть на него, но боковым зрением видела, как он положил руку на подлокотник рядом с её.

Фильм начался, но Вика почти не смотрела на экран. Она чувствовала его присутствие, его запах, тепло, которое исходило от него. Она хотела, чтобы этот вечер никогда не заканчивался.

После кино они вышли на улицу. Было уже темно, фонари освещали мокрый асфальт. Вика дрожала от холода, но не хотела уходить.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что, — ответил Марк. — Может, повторим?

Вика посмотрела на него. В его глазах было что-то, чего она не могла прочитать. Что-то тёплое и одновременно холодное.

— Может, — сказала она.

Он улыбнулся, и она почувствовала, как внутри всё переворачивается. Она знала, что это начало. Она знала, что это изменит её жизнь. Она не знала только, что это будет конец.

Но она была готова рискнуть. Утренний свет сочился сквозь пыльные стекла школьных окон, разбиваясь на тысячи бледных зайчиков на линолеуме вестибюля. Пахло хлоркой, старой бумагой и тем особенным холодком, который бывает только в пустых коридорах до первого звонка. Вика Соболева переступила порог «Альфа-лицея» ровно в семь сорок пять, зажав под мышкой тяжелый учебник по биологии.

Она всегда приходила рано. Не потому, что боялась опоздать — просто в эти пятнадцать минут тишины можно было выдохнуть. Прислониться спиной к батарее у раздевалки и смотреть, как оживает здание. Как зажигаются лампы дневного света, как шаркает шваброй уборщица тетя Зина, как первые ученики втаскивают в холл запах улицы и мороза.

Сегодня был вторник. Обычный, серый, ничего не значащий вторник середины марта. Снег за окнами уже осел, почернел, превратился в грязную кашу на тротуарах. Небо висело низко, тяжело, обещая то ли дождь, то ли мокрый снег. Вика поправила ляжку рюкзака и шагнула к доске объявлений, где обычно вывешивали расписание факультативов.

Она не сразу поняла, что происходит.

Голос Влада Громова она узнала бы из тысячи — слишком часто этот голос звучал в школьных коридорах, слишком много смеха и злости было в его интонациях. Он стоял у доски, подперев плечом стену, и говорил что-то, от чего стоящий рядом Паша Титов нервно переминался с ноги на ногу.

— Слабо, Громов, — ответил вдруг кто-то.

Голос был низким, спокойным. Почти ленивым. Вика замерла, не дойдя до доски трех шагов.

Она узнала его. Марк.

Марк Виноградов стоял вполоборота к ней, и утренний свет падал на его лицо, делая черты резче, жестче. Он был выше Влада на полголовы, шире в плечах, и вся его поза выражала такое презрительное спокойствие, что у Вики перехватило дыхание.

Она видела его каждый день последние полтора года. С того самого дня, как он появился в лицее в начале десятого класса, переводом из какой-то английской школы. Высокий, темно-волосый, с тяжелым взглядом серых глаз, которые, казалось, смотрели сквозь людей. Он не вписывался. Не пытался вписаться. Держался особняком, ни с кем не дружил, ни с кем не ссорился. Просто существовал в параллельной реальности, которая иногда пересекалась с общей.

И каждый раз, когда это происходило, у Вики внутри что-то обрывалось.

Она влюбилась в него в седьмом классе. Глупо, смешно, по-детски. Он тогда заступился за нее перед компанией старшеклассников, которые привязались к ней в коридоре. Просто сказал: «Отвалите». И они отвалили. А Вика стояла, прижав к груди учебник, и смотрела, как он уходит, даже не обернувшись. Тогда у него были короткие светлые волосы, веснушки на носу и дурацкий рюкзак с нашивкой группы «Кино».

Теперь веснушки почти стерлись, волосы потемнели и отросли, а в серых глазах появилась та самая тяжесть, которую не могли объяснить никакие школьные сплетни. Говорили, что он жил за границей с отцом. Говорили, что у него проблемы с психикой. Говорили разное. Вика не слушала.

Она просто смотрела. Издали. Осторожно. Так, чтобы никто не заметил.

— Думаешь, не слабо? — усмехнулся Влад, и Вика вздрогнула, поняв, что стоит столбом посреди вестибюля, пялясь на парней у доски. Она шагнула назад, спрятавшись за колонну. Сердце колотилось где-то в горле — нет, стоп. Она заставила себя дышать ровно. Просто нервы. Просто утро.

— Думаю, ты трепло, — ответил Марк. Он не повышал голоса, не улыбался. Просто констатировал факт.

Влад хлопнул ладонью по доске объявлений. Звук удара разнесся по пустому вестибюлю, и Вика вздрогнула снова.

— Спорим?

— На что?

— На билеты. Твой папаша в прошлом году в Лондон мотался, я знаю. У него там связи. Выбей два билета на самолет. Проигравший публично извиняется перед всей школой.

Вика затаила дыхание. Она не видела лиц парней, только слышала голоса, но почему-то все внутри сжалось от нехорошего предчувствия.

— И что я должен сделать, чтобы выиграть? — спросил Марк. В его голосе появилась нотка интереса. Ледяная, опасная.

— Влюбить в себя Соболеву. Вику Соболеву. Чтобы она на выпускном встала перед всей школой и сказала, что любит тебя.

Вестибюль качнулся.

Вика вцепилась пальцами в край рюкзака, чувствуя, как кожаные лямки впиваются в ладони. Пол под ногами стал ватным, а воздух — слишком густым, почти осязаемым. Она слышала, как кровь шумит в ушах, как где-то далеко хлопнула дверь, как засмеялся Паша.

— Серьезно? — переспросил Марк. — Она же серая мышь. С ней даже разговаривать не о чем.

Вика закусила губу. Во рту стало солоно. Она прикусила слишком сильно, до крови, но боли не почувствовала. Только пустоту в груди и странное, липкое чувство стыда, которое поднималось откуда-то из живота.

— А ты попробуй, — хмыкнул Влад. — Если ты такой крутой, разведи ее на эмоции. Месяц у тебя есть. До выпускного.

— Два месяца, — поправил Марк. — Выпускной через два месяца.

— Два, — согласился Влад. — По рукам?

Пауза. Тишина, которая длилась всего несколько секунд, но Вике показалось, что она растянулась на целую вечность. Она стояла за колонной, прижимаясь спиной к холодному бетону, и смотрела на свои пальцы, побелевшие от напряжения. Она не хотела слышать ответ. Она знала, что он будет.

— По рукам, — сказал Марк.

Хлопок ладони о ладонь прозвучал как выстрел.

Вика выдохнула. Она даже не заметила, что не дышала последние полминуты. Легкие наполнились воздухом, но он казался горьким, металлическим. Она моргнула, и мир вокруг

обрел резкость — слишком яркую, слишком четкую. Каждая трещинка на плитке пола, каждый блик на стекле, каждое слово, которое они сказали, врезалось в память, как острым ножом по стеклу.

Она повернулась и пошла прочь.

Не побежала. Не сделала вид, что ничего не слышала. Просто пошла, медленно, стараясь, чтобы шаги звучали ровно. Она свернула в боковой коридор, где пахло краской и сыростью от старых труб, и остановилась у окна. За стеклом серая мартовская муть. Деревья с голыми ветками. Пустая парковка.

Вика прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

Она влюблена с седьмого класса. Четыре года. Почти пять. Она помнила тот день в мельчайших подробностях: запах школьной столовой, звук шагов в пустом коридоре, его голос, который сказал «Отвалите» так, будто это было единственно возможным решением. Она помнила, как он посмотрел на нее мельком, равнодушно, и пошел дальше. А она осталась стоять, прижимая к груди учебник алгебры, и чувствовала, как внутри что-то переворачивается.

Она не строила иллюзий. Она знала, что он никогда не посмотрит на нее. Что она для него — пустое место. Серая мышь, как он только что сказал. Девчонка, с которой «даже разговаривать не о чем». Но это знание не отменяло чувства. Оно просто делало его горьким, как незрелая вишня.

И теперь он согласился влюбить ее в себя. По спору. Ради билетов в Лондон.

Вика открыла глаза и посмотрела на свое отражение в стекле. Бледное лицо, темные волосы, собранные в небрежный хвост, круги под глазами от недосыпа. Обычное лицо. Ничего примечательного. Она никогда не считала себя красивой, но сейчас, глядя на это отражение, она чувствовала только глухую, ровную злость.

Она не даст им этого.

Она не станет пешкой в их игре.

Она сделает вид, что ничего не слышала. Будет вести себя как обычно. И когда он подойдет к ней — а он подойдет, она знала, — она просто пройдет мимо. Вежливо. Равнодушно. Как он проходил мимо нее все эти годы.

Вика оттолкнулась от подоконника и пошла в класс. Спина прямая, шаги твердые. Она не обернулась, когда услышала за спиной шаги. Не посмотрела, когда кто-то окликнул ее по имени. Она просто шла вперед, сжимая в кулаке ключ от шкафчика, и чувствовала, как металл впивается в кожу.

Боль помогала думать.

Первый урок — литература. Вика села за вторую парту у окна, свое обычное место, и раскрыла тетрадь. Строчки расплывались перед глазами, но она заставила себя читать. «Гроза» Островского. Катерина. Любовь. Трагедия. Она усмехнулась про себя. Хорошее совпадение.

— Соболева, ты чего такая кислая? — Лена Смирнова плюхнулась рядом, стягивая с плеч пуховик. От нее пахло морозным воздухом и ванильным дезодорантом. — Опять контрольная?

— Нет, — Вика заставила себя улыбнуться. — Просто не выспалась.

— Вечно ты не высыпaeшь, — Лена вздохнула и раскрыла учебник. — Слушай, ты слышала новость? Говорят, Громов с Виноградовым поспорили на что-то серьезное. Паша Тит говорит, на билеты в Лондон.

Вика замерла. Пальцы, сжимающие ручку, побелели.

— Не слышала, — сказала она ровно.

— Ну ты даешь, — Лена хмыкнула. — Тут вся школа гудит. Говорят, Виноградов согласился на какой-то дурацкий спор. Но детали не знают. Паша молчит, только ухмыляется.

Звонок прозвенел, и в класс вошла учительница. Вика выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает плечи. Она смотрела на доску, на учительницу, на строчки в учебнике, но

видела только одно: серые глаза, тяжелый взгляд и ладонь, которая хлопнула по ладони Влада в знак согласия.

Она не даст им этого.

Она не станет игрушкой.

Следующие три урока прошли как в тумане. Вика механически отвечала, записывала, кивала, но мысли были далеко. Она прокручивала в голове услышанный разговор, и каждый раз сердце сжималось от обиды и злости. Он назвал ее серой мышью. Сказал, что с ней не о чем говорить. И при этом согласился влюбить ее в себя.

Какая ирония.

На большой перемене Вика вышла в коридор, чтобы выпить воды. Автомат стоял в конце рекреации, у окна. Она нажала кнопку, и пластиковый стаканчик наполнился холодной жидкостью. Вика сделала глоток, чувствуя, как вода обжигает горло.

— Вика?

Она обернулась.

Марк стоял в двух шагах от нее, засунув руки в карманы джинсов. На нем была черная худя, и от этого его глаза казались еще светлее, почти прозрачными. Он смотрел на нее спокойно, без улыбки, и Вика вдруг поняла, что он очень красивый. По-настоящему. Не той мальчишеской красотой, которой славился Влад, а чем-то более взрослым, более глубоким.

Она слотнула.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответила она. Голос прозвучал ровно, хотя внутри все дрожало.

— Ты не занята?

— Вообще-то занята, — она кивнула на стаканчик. — Пью воду.

Он усмехнулся. Улыбка вышла короткой, почти незаметной, но Вика ее увидела.

— Я хотел поговорить.

— О чем?

Он шагнул ближе. От него пахло табаком и мятной жвачкой. Знакомый запах — она чувствовала его каждый раз, когда он проходил мимо.

— О литературе, — сказал он. — Ты же отличница? Помоги с сочинением.

Вика моргнула. Она ожидала чего угодно, но не этого.

— С сочинением?

— Ну да. «Гроза». Островский. Я пропустил тему, когда болел. Говорят, ты лучше всех пишешь.

Она смотрела на него, пытаясь найти подвох. Но его лицо было спокойным, почти скупающим. Он смотрел на нее так, будто действительно нуждался в помощи.

— Я могу дать тебе конспект, — сказала она осторожно. — У меня есть.

— Спасибо, — он кивнул. — Давай.

Она полезла в рюкзак, чувствуя, как пальцы дрожат. Нашла тетрадь, вырвала листок с конспектом. Протянула ему.

— Держи.

Он взял листок, мельком взглянул на него и сунул в карман.

— Спасибо, Вика. Ты выручила.

Он развернулся и пошел прочь, даже не обернувшись. Вика смотрела ему вслед, сжимая в руке пустой стаканчик, и чувствовала, как сердце колотится где-то в груди.

Он подошел.

Он заговорил.

И она повелась.

Вика закрыла глаза и выдохнула. Она знала, что это только начало. Что он будет подходить снова и снова. Что она будет каждый раз чувствовать этот укол в груди, когда видит его лицо.

Но она не даст ему выиграть.

Она не признается ему в любви. Ни за какие билеты в Лондон.

Даже если внутри все кричит: «Скажи ему. Скажи сейчас. Пока он не ушел».

Она промолчит.

Она справится.

Вика выбросила стаканчик в урну и пошла в класс, чувствуя на спине чей-то взгляд. Она не обернулась. Не хотела знать, кто смотрит.

Она просто шла вперед, сжимая в кулаке ручку, и думала о том, что через два месяца все закончится. Выпускной. Прощание со школой. Прощание с ним.

А потом — новая жизнь.

Где она больше не будет серой мышью.

Где она больше не будет ждать.

Где она больше не будет влюблена в мальчика, который смотрит на нее только ради спора.

Второй урок после большой перемены — физика. Вика сидела за своей партой и смотрела в окно, не слыша ни слова из объяснений учителя. За стеклом моросил мелкий дождь, превращая мартовский день в серую акварель. Капли стекали по стеклу, и она прослеживала их путь взглядом, думая о том, как легко все могло бы быть, если бы она не услышала тот разговор.

Если бы она пришла на пять минут позже.

Если бы не остановилась у колонны.

Если бы не узнала его голос.

Но она услышала. Остановилась. Узнала.

И теперь это знание висело на ней грузом, от которого невозможно было избавиться.

— Соболева, к доске.

Вика вздрогнула. Учитель физики, Игорь Николаевич, смотрел на нее поверх очков. В его взгляде читалось легкое недоумение — она никогда не отвлекалась на уроках.

— Простите, — сказала она, вставая. — Я не расслышала задачу.

— Задача номер три, — повторил он терпеливо. — Решите ее у доски.

Вика вышла к доске, взяла мел. Условие задачи было простым, она решила бы его с закрытыми глазами. Но сейчас строчки расплывались, цифры путались, и она чувствовала, как щеки начинают гореть от напряжения.

— Может, помочь? — раздался голос с задней парты.

Она обернулась. Марк сидел на последнем ряду, откинувшись на спинку стула, и смотрел на нее с ленивым интересом. На губах играла едва заметная улыбка.

— Не нужно, — ответила она резче, чем хотела. — Я справлюсь.

Она повернулась к доске и заставила себя сосредоточиться. Цифры сложились, формула встала на место. Она написала решение, чувствуя, как мел скрипит по доске, и поставила ответ.

— Верно, — кивнул Игорь Николаевич. — Садись, Соболева.

Она села, не глядя на Марка. Но краем глаза видела, как он наклонил голову, рассматривая ее, будто видел впервые. Этот взгляд царапал кожу, оставлял невидимые следы.

Лена толкнула ее локтем.

— Слушай, а чего это Виноградов на тебя уставился? — шепнула она. — Он вообще никогда ни на кого не смотрит.

— Не знаю, — соврала Вика. — Может, ему скучно.

— Ага, — Лена скептически хмыкнула. — Скучно ему. Как же.

Вика промолчала. Она смотрела на доску, на цифры, на буквы, но перед глазами стояло его лицо. Серые глаза, темные волосы, легкая усмешка.

Он играет, напомнила она себе. Это просто игра.

Но сердце не слушалось.

Оно билось быстрее, когда он смотрел на нее. Оно замирало, когда он говорил. Оно делало ее слабой, уязвимой, глупой.

Она ненавидела себя за это.

После уроков Вика собиралась домой. Она запирала шкафчик, когда услышала шаги. Она знала, кто это, еще до того, как обернулась.

— Вика, подожди.

Она замерла, не поворачиваясь. Пальцы сжимали ключ так сильно, что побелели костяшки.

— Чего тебе? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я хотел извиниться, — сказал Марк. Он подошел ближе и встал сбоку, почти касаясь ее плеча. От него пахло дождем и табаком. — За сегодня. На физике. Я не хотел тебя смущать.

— Ты меня не смутит, — она наконец повернулась и посмотрела на него. — Ты просто неудачно пошутил.

— Я не шутил, — он смотрел ей в глаза, и его взгляд был серьезным, почти тяжелым. — Я правда хотел помочь.

— Мне не нужна помощь, — сказала она. — Я справляюсь сама.

— Я знаю, — он кивнул. — Ты всегда справляешься сама.

Эти слова ударили сильнее, чем она ожидала. Она моргнула, пытаясь скрыть замешательство.

— Откуда ты знаешь?

— Я наблюдаю, — сказал он просто. — Ты не замечаешь, но я смотрю на тебя. Иногда. Сердце пропустило удар.

— Зачем? — спросила она, и голос дрогнул.

— Не знаю, — он пожал плечами. — Ты интересная.

— Я серая мышь, — напомнила она. — С которой даже поговорить не о чем.

Он нахмурился.

— Кто тебе это сказал?

— Ты, — ответила она. И, не дожидаясь его реакции, развернулась и пошла прочь.

Она слышала, как он окликнул ее, но не остановилась. Шла быстро, почти бежала, пока не выскочила на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, и она глубоко вздохнула, чувствуя, как дрожат руки.

Она сказала ему правду. В лицо.

Она не должна была. Она должна была молчать, делать вид, что ничего не знает. Но слова вырвались сами, и теперь он знает, что она слышала их разговор.

Глупо. Очень глупо.

Вика закусила губу и пошла к остановке. Дождь моросил, оседая на волосах и лице, смешиваясь со слезами, которые она отказывалась признавать.

Она не заплачет. Не из-за него.

Она дойдет до дома, выпьет чай, сядет за уроки. И завтра придет в школу с высоко поднятой головой.

Она не даст ему увидеть, что ей больно.

Даже если внутри все разрывается на части.

Дома было тихо. Мама еще на работе, в больнице, где она лежала на обследовании уже вторую неделю. Вика скинула мокрые кроссовки в прихожей, прошла на кухню, включила чайник. Пар за клубился над кружкой, и она села за стол, обхватив ладонями горячий керамический бок.

Она смотрела на свои руки. Тонкие пальцы, обкусанные ногти, старая царапина на костяшке. Обычные руки. Обычная девочка. Обычная жизнь.

Но почему тогда она чувствует себя так, будто стоит на краю пропасти?

Телефон завибрировал. Сообщение от Лены: «Ты как? Виноградов тебя искал после уроков. Все нормально?»

Вика набрала ответ: «Все норм. Просто поговорили. Ничего серьезного».

Она отложила телефон и сделала глоток чая.

Ничего серьезного.

Она повторяла эту фразу как мантру, пытаясь убедить себя в том, что все под контролем. Что она не попадет в эту ловушку. Что она умнее, сильнее, осторожнее.

Но где-то глубоко внутри, в самом темном уголке души, маленький голосок шептал: «А что, если это не игра? Что, если он правда заинтересовался?»

Она затыкала этот голос каждый раз, когда он появлялся.

Но он возвращался снова и снова.

Вика допила чай, вымыла кружку и пошла в свою комнату. Села за письменный стол, раскрыла учебник по истории. Но вместо дат и событий перед глазами стояло его лицо.

Серые глаза.

Темные волосы.

Легкая усмешка.

Она закрыла учебник и легла на кровать, глядя в потолок.

«Я не влюблюсь в тебя, Марк Виноградов, — подумала она. — Я не дам тебе этого.

Но ты уже влюблена, — ответил внутренний голос. — Уже четыре года».

Она перевернулась на бок и закрыла глаза.

Завтра будет новый день.

Завтра она будет сильной.

Глава 2. Неожиданное предложение

Утро следующего дня встретило Вику серым небом и запахом мокрого асфальта. Она стояла на остановке, вжимая голову в плечи, слушая, как капли дождя барабанят по козырьку. Рюкзак тянул плечо, внутри которого лежала папка с выписками из больницы — мамиными анализами, которые нужно было отнести в платную клинику. Она знала, что это бесполезно. Без денег ее даже не примут.

Вчерашний разговор с Марком не выходил из головы. Она прокручивала его снова и снова, как заевшую пластинку, и каждый раз находила новые детали, которые заставляли ее сердце сжиматься. Его взгляд, когда он сказал «я наблюдаю». Тон, которым он произнес «ты интересная». Это не было похоже на издевку. Это было... искренне.

Но она не верила.

Она не могла позволить себе поверить.

Автобус подъехал с шипением тормозов, и Вика вошла внутрь, заплатив за проезд. Свободных мест не было, она встала у окна, глядя на проплывающие мимо дома. Дождь стекал по стеклу тонкими ручейками, размывая очертания города.

Она думала о том, что скажет Марку, если он снова подойдет. Она должна быть твердой. Холодной. Неприступной. Она не даст ему шанса.

Школа встретила ее привычным гулом. Запах хлорки и старых учебников, эхо шагов в коридорах, смех, доносящийся из раздевалки. Вика прошла к своему шкафчику, набрала код, но пальцы соскользнули, и пришлось набирать заново.

— Соболева.

Голос раздался за спиной, и она вздрогнула. Марк стоял в двух шагах от нее, прислонившись плечом к стене. В руках он держал пластиковый стаканчик с кофе, пар поднимался вверх, смешиваясь с запахом его одеколона — свежим, с нотками цитруса и древесной горечи.

— Что тебе нужно? — спросила она, не поворачиваясь.

— Поговорить.

— Мы уже поговорили вчера.

— Нет, — он сделал шаг вперед. — Вчера ты ушла, не дослушав.

— Я услышала достаточно.

Она захлопнула дверцу шкафчика и повернулась к нему. Он стоял близко, слишком близко, и она чувствовала, как воздух между ними становится плотным, тяжелым.

— Ты слышала только часть, — сказал он тихо. — Не всю.

— Какую часть я пропустила? Ту, где ты говоришь Владу, что я легкая цель? Или ту, где вы решаете, кто из вас первый меня трахнет?

Он поморщился, словно она ударила его.

— Ничего такого не было.

— Я слышала, — повторила она. — Своими ушами.

— Ты слышала, как я сказал, что ты не такая, как все. Что ты... — он запнулся, подбирая слова. — Что ты заставляешь меня чувствовать себя идиотом.

Она замерла.

— Что?

— Я сказал Владу, что ты не в его вкусе. Что ты слишком умная, слишком сложная. Что ты не поведешься на его дешевые трюки. А он сказал, что я просто боюсь. И я ответил, что это не так.

Она смотрела на него, пытаясь понять, говорит ли он правду. Но его лицо было открытым, глаза — честными, и она чувствовала, как ее уверенность начинает трещать по швам.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила она шепотом.

— Потому что я не хочу, чтобы ты думала обо мне хуже, чем я есть, — сказал он. — Я знаю, что я козел иногда. Но я не играю с тобой, Вика.

Она молчала.

— Я хочу предложить тебе сделку, — продолжил он, и его голос стал серьезным. — Не игра. Сделку.

— Какую?

— Твоей маме нужна операция, — сказал он прямо. — Я знаю. Я слышал, как ты говорила по телефону с врачом.

Она почувствовала, как кровь отливает от лица.

— Ты подслушивал?

— Я был рядом. Я не специально.

— Это не твое дело.

— Это может стать моим делом, если ты согласишься.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул ей. Она взяла его дрожащими пальцами, развернула. Это был договор. Написанный от руки, четким, разборчивым почерком.

«Я, Марк Александрович Виноградов, обязуюсь выплатить Виктории Сергеевне Соболевой сумму в размере 500 000 (пятисот тысяч) рублей в обмен на выполнение следующих условий: 1. Виктория Соболева соглашается публично изображать мою девушку в течение одного месяца. 2. В течение этого месяца она не имеет права рассказывать кому-либо о фиктивности наших отношений. 3. По истечении месяца она получает деньги и может делать с ними все, что хочет. 4. Никаких физических контактов без ее согласия. 5. Никаких обязательств после окончания срока».

Она подняла на него глаза.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

— Это безумие.

— Это возможность, — сказал он. — Ты получишь деньги, которые нужны твоей маме. Я получу то, что нужно мне.

— И что тебе нужно?

Он помолчал, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она не могла прочитать.

— Я хочу, чтобы Влад проиграл, — сказал он наконец. — Я хочу доказать ему, что он не всегда получает то, что хочет.

— Ты хочешь использовать меня, чтобы отомстить ему?

— Я хочу, чтобы ты согласилась, потому что это выгодно нам обоим, — сказал он. — Не потому, что я хочу тебя унижить. Не потому, что я хочу сделать тебе больно. А потому что я могу помочь тебе, а ты можешь помочь мне.

Она смотрела на договор в своих руках. Бумага пахла типографской краской и его одеколоном. Пятьсот тысяч. Сумма, которая могла спасти маму.

— Почему именно я? — спросила она. — В школе есть десятки девчонок, которые с радостью согласятся притворяться твоей девушкой. Почему я?

— Потому что ты не согласишься просто так, — сказал он. — Потому что ты не будешь ждать от меня ничего, кроме денег. Потому что ты не влюбишься в меня, как все остальные.

Она усмехнулась.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю, — он посмотрел ей прямо в глаза. — Ты слишком умна для этого.

Она отвела взгляд.

— Мне нужно подумать.

— У тебя есть время до завтра, — сказал он. — Но имей в виду: операцию нужно делать как можно раньше, иначе может быть поздно.

Он развернулся и ушел, оставив ее стоять в коридоре с листком бумаги в руках.

Весь день она ходила как в тумане. На уроках не слышала учителей, записывала что-то механически, не понимая смысла. В столовой сидела с Леной, но не могла проглотить ни куска.

— Ты какая-то странная, — заметила Лена, откусывая бутерброд. — Что случилось?

— Ничего, — соврала Вика. — Просто не выспалась.

— Ты уверена? — Лена прищурилась. — Потому что ты выглядишь так, будто увидела привидение.

— Все нормально, — повторила Вика, отодвигая тарелку. — Я пойду, мне нужно в библиотеку.

Она вышла из столовой, но вместо библиотеки направилась в туалет. Закрылась в кабинке, достала телефон и набрала номер мамы.

— Алло, доченька, — раздался усталый голос. — Как дела?

— Нормально, мам, — сказала Вика, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Как ты?

— Все хорошо. Врачи говорят, что нужно делать операцию, но...

— Я знаю, мам. Я что-нибудь придумаю.

— Вика, не нужно. Я не хочу, чтобы ты из-за меня...

— Мам, — перебила она. — Все будет хорошо. Я обещаю.

Она положила трубку и прислонилась спиной к холодной стене кабинки.

Пятьсот тысяч.

Она могла их получить. Всего за месяц притворства.

Но цена? Она должна будет каждый день видеть его, быть рядом с ним, делать вид, что она его девушка. Она должна будет лгать всем, включая Лену. Она должна будет играть роль, которая разорвет ей сердце.

Потому что она уже знала: она не сможет притворяться. Она влюбится. Она уже влюблена.

Но мама важнее.

После уроков она встретила Алину у выхода. Старшая сестра стояла, куря сигарету, стряхивая пепел в жестяную банку из-под газировки.

— Ты чего такая кислая? — спросила Алина, выпуская дым.

— Ничего.

— Не ври мне, — Алина затушила сигарету и посмотрела на сестру. — Я знаю этот взгляд. Что случилось?

Вика молча протянула ей договор. Алина взяла его, пробежала глазами, и ее брови поползли вверх.

— Это что за хрень?

— Марк Виноградов предложил мне сделку.

— Я вижу, — Алина нахмурилась. — И ты собираешься согласиться?

— Я не знаю.

— Вика, это безумие. Ты понимаешь, что он тебя использует?

— Я знаю.

— И ты все равно думаешь об этом?

— Маме нужна операция, — тихо сказала Вика. — У нас нет денег. У нас нет ничего.

А он предлагает пятьсот тысяч.

Алина молчала, глядя на сестру.

— Ты понимаешь, что это не просто деньги? — спросила она наконец. — Ты будешь должна ему. Не только по договору. Ты будешь чувствовать себя обязанной.

— Я знаю.

— И ты готова на это пойти?

Вика подняла глаза на сестру.

— А что мне еще остается?

Алина вздохнула, провела рукой по волосам.

— Ладно, — сказала она. — Если ты решила, я не буду тебя отговаривать. Но будь осторожна, Вика. Не дай ему разбить тебе сердце.

— Я постараюсь, — пообещала Вика, хотя знала, что это ложь.

Она нашла Марка на школьном дворе. Он сидел на скамейке, слушая музыку в наушниках, глядя в небо. Она подошла и встала перед ним, загораживая свет.

Он снял наушники.

— Ты решила?

— Да, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Я согласна.

Он кивнул, словно ожидал этого.

— Условия те же?

— Да, — она сглотнула. — Но я хочу добавить еще одно.

— Какое?

— Никаких чувств, — сказала она. — Ни с твоей стороны, ни с моей. Мы просто играем роли. Когда все закончится, мы забываем друг о друге.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Договорились, — сказал он и протянул руку.

Она пожалала ее. Его ладонь была теплой, пальцы сильными. Она почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Тогда с завтрашнего дня мы пара, — сказал он.

— С завтрашнего дня, — повторила она.

Она развернулась и пошла прочь, чувствуя его взгляд на спине.

Она согласилась.

Она подписала договор с дьяволом.

Но где-то в глубине души, в самом темном уголке, маленький голосок шептал: «А что, если это не договор? Что, если это шанс?»

Она затыкала этот голос.

Но он возвращался снова и снова.

Дома было пусто. Мама еще в больнице, сестра на работе. Вика прошла в свою комнату, села на кровать, глядя на стопку учебников на столе.

Она достала телефон и набрала сообщение Лене: «Я согласилась. Мы с Марком теперь пара. Это фейк. Не спрашивай почему».

Ответ пришел через минуту: «Ты с ума сошла?»

«Возможно. Но это единственный способ».

«Я не понимаю, но я с тобой. Если что — я рядом».

Вика улыбнулась, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

Она не одна.

Даже если весь мир будет против нее, у нее есть Лена.

И это давало ей силы.

Она легла на кровать, глядя в потолок.

Завтра начнется новая игра.

И она должна была выиграть. В коридоре пахло хлоркой и мокрой тканью — уборщица мыла пол перед самым звонком, и теперь линолеум блестел, отражая тусклый свет ламп. Вика шла к выходу, сжимая лямку рюкзака так сильно, что пальцы онемели. Она не оборачивалась, но чувствовала спиной чей-то взгляд — тяжелый, липкий, не отпускающий.

— Соболева!

Она замерла. Голос Марка разрезал гул коридора, и несколько человек обернулись. Вика стиснула зубы и сделала еще шаг.

— Соболева, стой!

Он догнал ее у самой двери, схватил за локоть — не больно, но настойчиво. Она дернулась, пытаясь высвободиться, но он не отпустил.

— Отпусти, — сказала она тихо, чтобы никто не услышал дрожи в голосе.

— Только если пообещаешь выслушать, — он наклонился ближе, и она почувствовала запах его одеколona — свежий, с нотками цитруса и дерева. — Пять минут. Пожалуйста.

Последнее слово прозвучало неожиданно мягко. Вика подняла глаза и встретилась с его взглядом — серые глаза смотрели серьезно, без обычной насмешки.

— Хорошо, — выдохнула она. — Пять минут.

Он отпустил ее локоть и кивнул в сторону лестницы, ведущей в подвал, где редко кто ходил. Туда, где стояли старые парты и пахло мелом и пылью.

Они спустились молча. Шаги гулко отдавались от бетонных стен. Вика остановилась у окна, за которым виднелся только серый асфальт школьного двора. Марк встал напротив, сунув руки в карманы джинсов.

— Я знаю, что ты слышала, — начал он без предисловий. — Наш разговор с Владом. Я знаю, что ты знаешь про спор.

Вика дернула плечом.

— И что? Ты пришел извиниться?

— Нет, — он покачал головой. — Я пришел предложить тебе сделку.

Она уставилась на него, не веря своим ушам.

— Что?

— Сделку, — повторил он спокойно. — Я знаю про твою маму. Про операцию. Про то, что тебе нужны деньги.

У Вики пересохло в горле. Она сглотнула, чувствуя, как подкатывает тошнота.

— Откуда ты знаешь?

— Я узнавал, — сказал он просто. — Не важно как. Важно, что я могу помочь.

Он достал из кармана сложенный лист бумаги и протянул ей. Вика взяла его дрожащими пальцами, развернула. Это была распечатка счета из клиники — сумма операции, дата, фамилия матери. Все верно.

— Откуда? — прошептала она, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — Как ты это достал?

— Есть знакомые в больнице, — он пожал плечами. — Не важно. Важно другое. Я дам тебе эти деньги. Пятьсот тысяч. Полностью. Без процентов и возврата.

Вика подняла на него глаза. В них читалось недоверие, смешанное с отчаянием.

— За что? — спросила она хрипло. — Что я должна сделать?

Он помолчал, глядя в окно. Серый свет падал на его лицо, делая черты резче, жестче.

— Месяц, — сказал он наконец. — Один месяц. Ты будешь моей девушкой. Притворной, конечно. Мы будем ходить вместе, держаться за руки, целоваться на публике. Ты будешь играть роль. А когда месяц пройдет, я выиграю спор, ты получишь деньги, и мы разойдемся.

Тишина повисла между ними, густая и тяжелая, как мокрое одеяло. Вика смотрела на него, чувствуя, как внутри все переворачивается.

— Ты предлагаешь мне продаться? — спросила она тихо. — За пятьсот тысяч?

— Я предлагаю тебе спасти маму, — он встретил ее взгляд, не отводя глаз. — А заодно и мне помочь. Взаимовыгодное сотрудничество.

— Ты чудовище, — выдохнула она.

— Возможно, — он не стал спорить. — Но я чудовище, которое может дать тебе эти деньги. Подумай. У тебя есть время до завтра.

Он развернулся и пошел вверх по лестнице, не оглядываясь. Вика осталась стоять в полутьме, сжимая в руках распечатку, чувствуя, как бумага врезается в ладонь.

Она не помнила, как выбралась из школы. Ноги сами несли ее к остановке, но она проскочила мимо, свернула в парк, села на скамейку, глядя на голые ветки деревьев, мокрые от дождя. Холод пробирал до костей, но она не чувствовала его.

Пятьсот тысяч.

Сумма, которая казалась космической. Неподъемной. Мама лежала в больнице, улыбалась, говорила, что все будет хорошо, но Вика видела, как дрожат ее руки, как она отводит глаза, когда речь заходит о лечении.

А теперь этот разговор. Этот мальчик, который смотрел на нее так, будто знал все ее секреты. Который предлагал сделку, от которой у нее сводило желудок.

«Ты будешь моей девушкой. Притворной».

Она закрыла глаза и увидела его лицо. Серые глаза, темные волосы, легкая усмешка. Тот самый мальчик, о котором она мечтала четыре года. Который теперь предлагал ей то, от чего она не могла отказаться.

Но цена...

Она открыла глаза и посмотрела на небо. Серое, тяжелое, низкое. Как будто весь мир давил на нее, заставляя выбирать.

Телефон завибрировал. Сообщение от Лены: «Ты где? Я волнуюсь. Все нормально?»

Вика набрала ответ: «Я в парке. Нужно подумать. Не жди меня, я позже приду».

Она убрала телефон в карман и снова уставилась на деревья. В голове крутились мысли, одна страшнее другой. Если она согласится, она предаст себя. Если откажется, мама может не дожждаться операции.

«А что, если это ловушка? — подумала она. — Что, если он просто хочет поиграть со мной, а потом выбросить?»

Но даже если так, разве у нее есть выбор?

Она вспомнила мамину улыбку, когда та говорила: «Не переживай, дочка, все образуется». Вспомнила, как мама гладила ее по голове, когда она болела, как сидела у кровати ночами, как отдавала последнее, чтобы у Вики были новые туфли к первому сентября.

А теперь мама лежит в больнице, и ей нужна помощь. А Вика сидит в парке и боится сказать «да».

«Ты трусиха, Соболева, — сказала она себе. — Ты всегда была трусихой. Боишься всего: высказать мнение, поднять руку на уроке, посмотреть в глаза мальчику, который тебе нравится. А теперь боишься спасти маму».

Она встала, чувствуя, как затекли ноги. Пошла к выходу из парка, не разбирая дороги. Дождь усилился, но она не замечала его.

Дома она скинула мокрую куртку, прошла в комнату, села на кровать. Телефон снова завибрировал — на этот раз звонок. Лена.

— Алло? — Вика взяла трубку, голос звучал глухо.

— Ты где? — голос Лены был встревоженным. — Я уже обыскалась. Что случилось?

— Ничего, — Вика сглотнула. — Лен, мне нужно с тобой поговорить. Это важно.

— Я слушаю.

Вика рассказала все. Про разговор, про спор, про предложение. Про деньги. Про маму. Голос дрожал, но она старалась говорить ровно, чтобы не расплакаться.

Лена молчала несколько секунд, а потом выдохнула:

— Ты серьезно?

— Да.

— И что ты решила?

— Не знаю, — Вика закрыла глаза. — Я боюсь. Боюсь, что это ловушка. Боюсь, что он надо мной смеется. Но мама...

— Послушай, — голос Лены стал тверже. — Я понимаю, что это звучит безумно. Но если он правда даст деньги, если операция состоится... Разве это не стоит того, чтобы рискнуть?

— А если он обманет? Если это просто игра?

— Тогда ты будешь знать, что попробовала, — сказала Лена. — И будешь сильнее. А если нет... Ты будешь винить себя всю жизнь.

Вика молчала, чувствуя, как слова подруги проникают в самую душу.

— И еще, — добавила Лена тихо. — Ты же сама говорила, что он тебе нравится. Может, это шанс узнать его настоящего?

— Или разбить сердце, — прошептала Вика.

— Или разбить сердце, — согласилась Лена. — Но ты сильная. Ты справишься.

Вика положила трубку и долго сидела, глядя в стену. В голове крутились слова Лены: «Ты будешь винить себя всю жизнь».

Она встала, подошла к столу, взяла телефон. Набрала сообщение Марку: «Я согласна. Но если ты обманешь меня, я найду способ тебя уничтожить. Ты понял?»

Отправила и сразу пожалела. Но было поздно.

Через минуту пришел ответ: «Понял. Завтра на большой перемене встретимся у кабинета физики. Обсудим детали».

Вика отложила телефон и закрыла глаза.

Она сделала выбор. Теперь оставалось только плыть по течению и надеяться, что не разобьется о скалы.

Ночь прошла беспокойно. Она ворочалась, просыпалась, смотрела в потолок, слушая, как за окном шумит дождь. Мысли путались, сны были тревожными: мама в больнице, Марк с улыбкой, деньги, которые тают в руках.

Утром она встала разбитая, с тяжелой головой. Умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало. Бледная, с кругами под глазами.

«Ты справишься, — сказала она своему отражению. — Ты справишься».

В школе она старалась не думать о предстоящей встрече. Сидела на уроках, механически записывая, не слыша голоса учителей. На большой перемене, когда прозвенел звонок, она собрала вещи и пошла к кабинету физики.

Марк уже ждал ее, прислонившись к стене. В руках он держал два стаканчика с кофе. Когда она подошла, протянул один.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал он, глядя на нее с непонятым выражением.

— Я не спала, — ответила она, принимая кофе. Горячий картон обжег пальцы, но она не обратила внимания.

— Понимаю, — он кивнул. — Это был трудный выбор.

— Выбор был очевиден, — она пожала плечами. — Деньги нужны. А ты просто удобный способ их получить.

Он усмехнулся, но как-то грустно.

— Хорошо. Тогда давай обсудим детали.

Они отошли в угол коридора, где их никто не мог услышать. Марк достал из кармана сложенный лист бумаги — список правил.

— Вот, — он протянул ей. — Прочитай и подпиши, если согласна.

Вика взяла лист, пробежала глазами. Правила были простыми: месяц притворных отношений, публичные проявления нежности, никаких настоящих чувств, никаких вопросов о прошлом, полная конфиденциальность.

— Серьезно? — она подняла бровь. — Ты составил договор?

— Я люблю четкость, — ответил он. — Чтобы потом не было недопонимания.

Она взяла ручку, которую он протянул, и поставила подпись внизу. Буквы вышли кривыми, но это было не важно.

— Теперь ты, — она вернула лист ему.

Он тоже подписал, сложил бумагу и убрал в карман.

— Отлично, — сказал он. — Тогда начнем сегодня. После уроков я провожу тебя до дома. Идет?

— Идет, — ответила она, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— И еще, — он замялся, словно не решаясь сказать. — Я хочу, чтобы ты знала. Я не буду делать ничего, что тебе неприятно. Если что-то пойдет не так, мы остановимся.

Она удивленно посмотрела на него. В его глазах, обычно насмешливых, сейчас читалась серьезность.

— Хорошо, — кивнула она. — Спасибо.

— Не благодари, — он отвернулся. — Это просто сделка.

Он ушел, оставив ее стоять с кофе в руках. Вика смотрела ему вслед, чувствуя, как в груди разливается странное тепло.

«Это просто сделка, — повторила она про себя. — Просто сделка.

Но почему тогда внутри все поет?»

Она допила кофе, выбросила стаканчик в урну и пошла на следующий урок. В голове крутились мысли, одна другой страннее. Она пыталась сосредоточиться на математике, но цифры расплывались перед глазами.

Когда прозвенел последний звонок, она собрала вещи медленно, специально задерживаясь, чтобы не встретиться с ним в коридоре. Но он нашел ее сам.

— Готова? — спросил он, появляясь в дверях класса.

— Да, — она взяла рюкзак и вышла за ним.

Они шли по коридору молча. Несколько человек обернулись, кто-то шептался. Вика чувствовала на себе взгляды, но старалась не обращать внимания.

На улице моросил мелкий дождь. Марк раскрыл зонт и протянул его ей.

— Держи, — сказал он. — Я не люблю зонты.

— Спасибо, — она взяла зонт, чувствуя, как теплеет от его заботы.

Они шли по мокрым улицам, обходя лужи. Вика смотрела на его профиль — острый, четкий, красивый. В голове крутились вопросы, которые она хотела задать, но боялась.

— Почему ты согласился на этот спор? — спросила она наконец.

Он помолчал, глядя прямо перед собой.

— Потому что хотел доказать Владу, что он не всемогущ, — ответил он. — Он думает, что может купить все и всех. Я хотел показать ему, что это не так.

— И для этого нужна была я, — сказала она тихо.

— Ты подходила, — он пожал плечами. — Ты не из тех, кто продается. Ты делаешь это ради мамы, а не ради денег. Это другое.

Она удивленно посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я же сказал, я наблюдаю, — он улыбнулся, но улыбка была грустной. — Ты не замечаешь, но я многое о тебе знаю.

Они подошли к ее подъезду. Вика остановилась, чувствуя, как колотится сердце.

— Спасибо, что проводил, — сказала она, протягивая ему зонт.

— Оставь себе, — он покачал головой. — Завтра увидимся.

Она кивнула и вошла в подъезд. Поднялась на свой этаж, открыла дверь, зашла в пустую квартиру. Тишина обступила ее со всех сторон.

Она прошла на кухню, включила чайник, села за стол. Смотрела на свои руки, все еще сжимающие зонт.

«Это просто сделка, — повторила она снова. — Просто сделка.

Но почему тогда я чувствую, что делаю что-то неправильное?»

Она закрыла глаза и увидела его лицо. Серые глаза, темные волосы, легкая усмешка.
«Я не влюблюсь в тебя, Марк Виноградов, — подумала она. — Я не дам тебе этого.
Но ты уже влюблена, — ответил внутренний голос. — Уже давно».
Она открыла глаза и посмотрела в окно. Дождь все лил, размывая очертания домов.
Завтра будет новый день.
Завтра она снова увидит его.
И это пугало ее больше всего.

Глава 3. Правила игры

Дождь закончился так же внезапно, как и начался — утром Вика выглянула в окно и увидела чистое небо, промытое до бледно-голубого блеска. Она стояла у подоконника, сжимая в руках чашку с остывшим чаем, и смотрела, как солнце пробивается сквозь стекло, оставляя на стене длинные золотистые полосы.

Вчерашний вечер не выходил из головы. Марк, его слова, его взгляд, когда он говорил о Владе. В этом взгляде было что-то тяжелое, почти болезненное, и Вика вдруг поняла, что за его насмешливой улыбкой скрывается что-то, чего она не видела раньше.

Она оделась медленно, специально затягивая время. Сегодня после уроков они должны были встретиться в кафе «Фрида» — месте, которое она знала только по рассказам Ксюши. Говорили, что там делают лучший раф в городе и что кофе подают с маленьким шоколадным сердечком на пенке.

Вика вышла из дома в половину девятого. Воздух после дождя был влажным и прохладным, пахло мокрым асфальтом и прелыми листьями. Она шла по тротуару, обходя лужи, и думала о том, что скажет ему сегодня.

В школе было шумно. Первым уроком стояла литература, и Вика вошла в класс, стараясь не смотреть по сторонам. Она села за свою парту у окна, достала тетрадь и учебник, но мысли были далеко.

— Соболева, — раздался голос сзади, и она вздрогнула.

Обернулась. Сзади стояла Ксюша, скрестив руки на груди и глядя на нее с выражением, которое трудно было назвать дружелюбным.

— Что? — спросила Вика, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Я слышала, ты вчера гуляла с Виноградовым, — Ксюша говорила тихо, но в голосе звенела сталь. — Что ты задумала?

— Ничего, — Вика отвернулась. — Это не твое дело.

— Еще как мое, — Ксюша наклонилась, и ее волосы скользнули по плечу Вики. — Он тебе не пара, Соболева. Не строй иллюзий.

Вика почувствовала, как щеки заливают краска. Она сжала ручку так, что побелели костяшки.

— Я тебя не спрашивала, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Иди занимайся своими делами.

Ксюша фыркнула и отошла, но Вика чувствовала ее взгляд на своей спине до самого звонка.

Урок тянулся бесконечно. Учительница что-то рассказывала о «Войне и мире», но слова проходили мимо, оставляя только шум. Вика смотрела в окно, на голые ветки деревьев, и думала о том, что скажет ему сегодня.

Вторая перемена принесла новую встречу. В коридоре, когда она шла в столовую, ее перехватил Паша. Он выглядел взволнованным — темные круги под глазами, взъерошенные волосы.

— Вика, — он взял ее за локоть и отвел в сторону, подальше от толпы. — Надо поговорить.

— О чем? — она насторожилась.

— О твоём договоре с Виноградовым, — Паша говорил быстро, оглядываясь по сторонам. — Я знаю, что ты согласилась. Я видел вас вчера.

— Откуда ты знаешь? — Вика почувствовала, как холодок пробегает по спине.

— Я случайно шел мимо, — он вздохнул. — Слушай, я не знаю, что он тебе обещал, но будь осторожна. Виноградов не тот, за кого себя выдает.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Он играет, — Паша посмотрел ей в глаза. — Всегда играет. Он никогда ничего не делает просто так.

— Ты его знаешь? — спросила Вика.

— Знал раньше, — Паша отвел взгляд. — В седьмом классе. Он был другим. А потом уехал и вернулся чужим.

Вика смотрела на него, чувствуя, как внутри закипают вопросы. Но прозвенел звонок, и Паша, бросив короткое «подумай над этим», исчез в толпе.

Остаток дня прошел как в тумане. Вика сидела на уроках, механически записывая что-то в тетрадь, но мысли крутились вокруг одного: что скрывает Марк? И почему он выбрал именно ее?

Последний звонок прозвенел в четыре часа. Вика собрала вещи, чувствуя, как колотится сердце. Сегодня они должны были встретиться в «Фриде», и она боялась этого больше, чем хотела признаться.

Она вышла из школы и направилась к кафе. «Фрида» находилась в двух кварталах от лицея, на тихой улочке, зажатой между старыми домами. Вывеска была маленькой, почти незаметной — черная табличка с белыми буквами, на которой было написано «Фрида. Кофе и тишина».

Вика толкнула дверь и вошла.

Внутри пахло кофе, корицей и чем-то сладким. Помещение было небольшим — всего пять столиков, обитых темным деревом, и длинная барная стойка из состаренного металла. Стены были увешаны черно-белыми фотографиями — портреты людей, городские пейзажи, снимки старой техники.

За одним из столиков, у окна, сидел Марк. Он увидел ее и поднял руку, привлекая внимание.

Вика подошла, чувствуя, как ноги становятся ватными. Она села напротив него, положив рюкзак на соседний стул.

— Привет, — сказал он, и в его голосе не было обычной насмешки. Только усталость.

— Привет, — ответила она, чувствуя, как слова застревают в горле.

Он молчал несколько секунд, глядя на нее. Потом взял со стола салфетку и подвинул к ней.

— Давай сразу к делу, — сказал он. — Правила игры.

Вика смотрела на салфетку, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Какие правила? — спросила она, хотя знала ответ.

— Первое, — он начал загибать пальцы. — Никаких поцелуев без необходимости. Только если нас видят.

— Я поняла, — кивнула она.

— Второе, — продолжил он. — Никаких чувств. Это сделка, не больше.

— Я помню.

— Третье, — он посмотрел ей в глаза. — Ровно месяц. После выпускного все заканчивается.

— Я знаю, — сказала она, чувствуя, как в груди сжимается что-то тяжелое.

Он подвинул к ней салфетку и ручку.

— Напиши, что согласна, — сказал он. — И подпиши.

Она посмотрела на салфетку. Белая, с неровными краями, она лежала перед ней, как приговор.

— Это глупо, — сказала она тихо. — Мы не в детском саду.

— Возможно, — он пожал плечами. — Но так надежнее.

Она взяла ручку и написала: «Я, Виктория Соболева, согласна на условия сделки с Марком Виноградовым. Срок — один месяц. Никаких чувств. Никаких поцелуев без необходимости».

Она подписалась и подвинула салфетку обратно.

Он взял ее, прочитал, потом сложил пополам и убрал во внутренний карман куртки.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь мы квиты.

— Это все? — спросила она, чувствуя, как в голосе проскальзывает разочарование.

— Нет, — он покачал головой. — Теперь мы будем играть.

Он подозвал официантку — девушку с короткими рыжими волосами и серьгой в носу.

— Два рафа, — сказал он. — Один с кленовым сиропом.

— С кленовым? — переспросила официантка.

— Да, — он кивнул. — Для девушки.

Вика удивленно посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь, что я люблю кленовый сироп? — спросила она.

— Я же говорил, я наблюдаю, — он улыбнулся, но улыбка была какой-то странной — не насмешливой, а почти грустной. — В столовой ты всегда берешь раф и добавляешь в него кленовый сироп из маленькой бутылочки, которую носишь в рюкзаке.

Она почувствовала, как щеки заливают краской.

— Ты следишь за мной? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал строго.

— Слежу? — он покачал головой. — Нет. Просто замечаю детали.

Они сидели молча, пока официантка не принесла кофе. Две высокие чашки с белой пенкой, на которой был нарисован узор — листья клена.

Вика взяла чашку, почувствовала тепло, разливающееся по пальцам. Сделала глоток. Вкус был идеальным — сладкий, с легкой горчинкой, с нотками карамели и дерева.

— Вкусно, — сказала она, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Я знаю, — ответил он, не глядя на нее.

Они пили кофе в тишине. Вика смотрела в окно, на прохожих, спешащих по своим делам, и думала о том, что происходит.

— Расскажи о себе, — сказал он вдруг.

— Что? — она удивленно посмотрела на него.

— Расскажи о себе, — повторил он. — Что ты любишь, что ненавидишь, о чем мечтаешь.

— Зачем? — спросила она, чувствуя, как внутри закипает сопротивление.

— Чтобы я знал, как с тобой обращаться, — ответил он. — Игра должна быть правдоподобной.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

— Я люблю читать, — сказала она наконец. — Особенно старые книги, с желтыми страницами, которые пахнут пылью и временем.

— Какие? — спросил он, и в его голосе появился интерес.

— Достоевского, — ответила она. — «Идиот». И «Преступление и наказание». Там есть что-то... настоящее.

— Ты веришь в искупление? — спросил он, и его глаза потемнели.

— Не знаю, — она пожала плечами. — Наверное, да. Если человек действительно хочет измениться.

— А если не хочет? — спросил он.

— Тогда он не заслуживает искупления, — ответила она, чувствуя, как слова падают в тишину.

Он долго смотрел на нее, и в его взгляде было что-то, чего она не могла понять.

— Ты веришь в людей, — сказал он наконец. — Это опасно.

— Может быть, — ответила она. — Но я предпочитаю верить, чем не верить.

Он усмехнулся, но усмешка была горькой.

— Наивная, — сказал он, но в голосе не было насмешки. Только усталость.

Они допили кофе, и он подозвал официантку, чтобы расплатиться.

— Я заплачу, — сказал он, когда она потянулась за кошельком.

— Нет, — она покачала головой. — Это нечестно.

— Это просто кофе, — ответил он. — Не делай из этого проблему.

Она замолчала, чувствуя, как внутри закипает раздражение. Он заплатил, и они вышли из кафе.

На улице уже темнело. Фонари зажглись, разливая по асфальту желтые круги света. Воздух был прохладным, пахло сыростью и дымом.

— Я провожу тебя, — сказал он, и это не было вопросом.

— Не надо, — ответила она. — Я сама дойду.

— Я провожу, — повторил он, и в голосе появилась твердость.

Она пожалала плечами и пошла вперед. Он шел рядом, засунув руки в карманы куртки.

Они шли молча. Вика смотрела под ноги, на мокрый асфальт, на котором отражались огни фонарей. В голове крутились мысли, одна другой страннее.

— Почему ты согласился? — спросила она наконец, не глядя на него.

— Я уже говорил, — ответил он. — Из-за Влада.

— Нет, — она покачала головой. — Не только. Ты мог найти другую. Зачем тебе я?

Он молчал долго, так долго, что она уже решила, что он не ответит.

— Потому что ты не притворяешься, — сказал он наконец. — Все вокруг носят маски.

Ты — нет. Ты настоящая.

Она остановилась и посмотрела на него. В свете фонаря его лицо казалось бледным, глаза — темными, почти черными.

— Откуда ты знаешь? — спросила она шепотом.

— Я вижу, — ответил он. — Я вижу, как ты смотришь на мир. Как ты держишь книги.

Как ты улыбаешься, когда никто не видит.

Она почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.

— Ты меня пугаешь, — сказала она, и в голосе дрожала неуверенность.

— Я знаю, — ответил он. — Меня это тоже пугает.

Они пошли дальше. У ее подъезда он остановился.

— Завтра увидимся, — сказал он. — В школе.

— Увидимся, — ответила она, чувствуя, как слова застревают в горле.

Он повернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Вика смотрела ему вслед, пока он не исчез в темноте.

Она вошла в подъезд, поднялась на свой этаж, открыла дверь. В квартире было тихо и темно. Мама еще не вернулась из больницы.

Она прошла на кухню, включила свет. Села за стол, положила голову на руки.

«Что я делаю? — думала она. — Почему я согласилась?»

Она закрыла глаза и увидела его лицо. Серые глаза, темные волосы, легкая усмешка.

«Я не влюблюсь в тебя, Марк Виноградов, — подумала она. — Я не дам тебе этого».

Но внутри уже зарождалось что-то, чему она не могла дать названия. Что-то теплое и пугающее одновременно.

Она открыла глаза и посмотрела в окно. В темном стекле отражалась ее собственная тень.

«Завтра будет новый день, — подумала она. — Завтра я снова увижу его».

И от этой мысли внутри разливалось тепло, которое она боялась признать даже себе.

Вика встала, налила стакан воды и выпила залпом. Вода была холодной, почти ледяной, и на мгновение это отрезвило ее.

Она прошла в свою комнату, села на кровать. Взяла телефон, посмотрела на экран. Сообщений не было.

Она положила телефон на тумбочку, легла, укрылась одеялом. В комнате было темно, и только уличный фонарь пробивался сквозь щель в шторах, оставляя на стене длинную полосу света.

«Я справлюсь, — подумала она. — Это всего лишь месяц. А потом все закончится».

Но в глубине души она знала: ничего не закончится. Это только начало.

Она закрыла глаза и провалилась в сон, тяжелый и тревожный, полный теней и голосов, которые она не могла разобрать.

Утром она проснулась от звука будильника. Тело было тяжелым, голова гудела. Она встала, умылась, оделась. На кухне оставила записку для мамы: «Я в школе. Вернусь вечером. Люблю».

Выйдя из дома, она почувствовала, как холодный воздух бьет по лицу, прогоняя остатки сна. Небо было серым, низким, накрапывал мелкий дождь.

Она шла по улице, сжимая в руках зонт, и думала о том, что скажет ему сегодня.

В школе было шумно. Первым уроком стояла физика, и Вика сидела на задней парте, стараясь быть незаметной. Но это не помогло.

На второй перемене к ней подошел Влад. Он улыбался, но улыбка была хищной, опасной.

— Ну что, Соболева, — сказал он, наклоняясь к ней. — Как продвигается ваша игра?

— Не твое дело, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Ошибаешься, — он усмехнулся. — Это мое дело. Я же поставил на тебя.

— Что? — она удивленно посмотрела на него.

— Я поставил на тебя, — повторил он. — Я сказал Марку, что ты не сдашься. Что ты не продашься.

— Зачем? — спросила она, чувствуя, как внутри закипает гнев.

— Потому что я хочу посмотреть, как он проиграет, — ответил Влад. — Он думает, что он лучше всех. Но я знаю правду.

— Какую правду? — спросила она.

— Он трус, — сказал Влад, и в голосе появилась злость. — Он сбежал тогда, в седьмом классе. Сбежал и оставил всех.

— Ты врешь, — сказала она, но голос дрогнул.

— Спроси у него сама, — Влад пожал плечами. — Если он скажет правду.

Он ушел, оставив ее стоять в коридоре, сжимая в руках учебник.

Вика смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри закипают вопросы. Что произошло в седьмом классе? Почему Марк уехал? И почему Влад так ненавидит его?

Она нашла Марка на третьем этаже, у окна. Он стоял, глядя на улицу, и казался далеким, почти нереальным.

— Марк, — сказала она, подходя ближе.

Он обернулся. В его глазах было что-то, чего она не видела раньше — уязвимость, почти страх.

— Что ты хочешь? — спросил он, и голос звучал глухо.

— Я хочу знать правду, — сказала она. — Что произошло в седьмом классе?

Он долго смотрел на нее, и в его взгляде было столько боли, что у нее сжалось сердце.

— Не сейчас, — сказал он наконец. — Не здесь.

— Когда? — спросила она.

— Вечером, — ответил он. — В «Фриде». В семь.

Он повернулся и ушел, оставив ее стоять в пустом коридоре.

День тянулся бесконечно. Вика сидела на уроках, но мысли были далеко. Она смотрела в окно, на серое небо, и думала о том, что услышит вечером.

В шесть пятьдесят она уже стояла у входа в «Фриду». Дождь перестал, но воздух был влажным, тяжелым.

Она вошла в кафе. Марк сидел за тем же столиком, у окна. Перед ним стояла чашка кофе, уже остывшая.

Она села напротив него, положив руки на стол.

— Рассказывай, — сказала она.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Потом начал говорить, и голос его был глухим, почти безжизненным.

— В седьмом классе я был другим, — сказал он. — Я был слабым. Я позволял себя унижать.

— Кто? — спросила она.

— Влад, — ответил он. — И его компания. Они издевались надо мной каждый день.

— Почему?

— Потому что я был другим, — он усмехнулся, но усмешка была горькой. — Я носил очки. Я читал книги. Я не умел драться.

— И что случилось? — спросила она, чувствуя, как внутри закипает жалость.

— Однажды они зашли слишком далеко, — сказал он. — Они избili меня так, что я попал в больницу. У меня была сломана рука и сотрясение мозга.

— Боже, — прошептала она.

— Мой отец узнал, — продолжил он. — Он приехал и забрал меня. Сказал, что здесь мне не место. Что я должен стать сильным.

— И ты уехал, — сказала она.

— Да, — он кивнул. — Я уехал в Англию. Думал, что там все будет по-другому. Но ошибся.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец отдал меня в частную школу, — сказал он. — Там было еще хуже. Я был русским, я был чужим. Меня снова травили.

— И что ты сделал? — спросила она, чувствуя, как сердце сжимается.

— Я сбежал, — сказал он. — Я прожил месяц на улице, в Лондоне. Потом отец нашел меня и отправил в интернат.

— Это ужасно, — прошептала она.

— Это жизнь, — он пожал плечами. — Я выжил. Я стал сильным.

— Но ты стал другим, — сказала она. — Ты стал закрытым.

— Да, — он кивнул. — Я научился не доверять никому.

Она смотрела на него, чувствуя, как внутри закипает боль. Она хотела обнять его, утешить, но знала, что это только все испортит.

— Спасибо, что рассказал, — сказала она наконец.

— Ты просила, — ответил он. — Я не люблю говорить об этом.

— Я понимаю, — сказала она.

Они сидели молча, и тишина была тяжелой, почти осязаемой.

— Пойдем, — сказал он наконец, вставая. — Я провожу тебя.

Они вышли из кафе. На улице было темно, но небо прояснилось, и на нем зажглись звезды.

Они шли по пустынным улицам, и Вика чувствовала, как его присутствие рядом успокаивает ее.

— Марк, — сказала она, когда они подошли к ее дому.

— Что? — спросил он.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказала она. — Но я рада, что ты рассказал мне правду.

Он посмотрел на нее, и в его глазах было что-то, чего она не видела раньше — надежда, смешанная со страхом.

— Спасибо, — сказал он тихо.

Она кивнула и вошла в подъезд.

Поднимаясь по лестнице, она чувствовала, как внутри разливается тепло. Она не знала, что будет завтра, но знала одно: она больше не боится.

Она открыла дверь квартиры, зашла внутрь. В прихожей горел свет — мама вернулась.

— Вика, это ты? — раздался голос из кухни.

— Да, мам, — ответила она, снимая куртку.

Она прошла на кухню. Мама сидела за столом, пила чай. Лицо у нее было усталым, но глаза улыбались.

— Как прошел день? — спросила мама.

— Хорошо, — ответила Вика, садясь напротив.

— Ты какая-то странная, — мама внимательно посмотрела на нее. — Что-то случилось?

— Нет, — Вика покачала головой. — Все в порядке.

Она взяла маму за руку и почувствовала, как тепло разливается по пальцам.

— Я люблю тебя, мам, — сказала она.

— Я тоже тебя люблю, дочка, — ответила мама, и в голосе ее дрожали слезы.

Вика сидела на кухне, пила чай, и думала о Марке. О его рассказе, о его боли, о его глазах, в которых она видела отражение своей собственной тоски.

«Я не влюблюсь в тебя, Марк Виноградов, — подумала она снова. — Я не дам тебе этого».

Но внутри уже цвело что-то, чему она не могла дать названия. Что-то теплое, пугающее и прекрасное одновременно.

Она закрыла глаза и увидела его лицо. Серые глаза, темные волосы, легкая усмешка.

«Я не влюблюсь в тебя, — повторила она. — Я не влюблюсь».

Но сердце билось быстрее, и внутри разливалось тепло, которое она боялась признать даже себе.

Завтра будет новый день. Завтра она снова увидит его.

И это пугало ее больше всего. Завтра наступило слишком быстро. Вика проснулась от того, что солнечный свет пробивался сквозь щель в шторах, падая на лицо теплым прямоугольником. Она села на кровати, чувствуя, как в груди завязался тугой узел. Сегодня в три часа. «Фрида». Кофейня на углу улицы Ленина.

Она смотрела на потолок, считая трещины в штукатурке. Их было семь. Вчера их было шесть. Или она просто не заметила седьмую.

На завтрак она съела половинку бутерброда с сыром, запила теплым чаем. Мама уже уехала на смену, оставив на холодильнике записку: «Доченька, я на сутках. Еда в холодильнике. Целую».

Вика отклеила записку, сложила ее пополам и убрала в карман джинсов. Мамин почерк — мелкий, торопливый, с кляксой на букве «ю». Она знала этот почерк наизусть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.